

Преподобный Феодор Санаксарски

Преподобный отец наш Феодор Санаксарский родился в 1718 году в сельце Бурнаково Романовского уезда Ярославской провинции, в родовом имении благочестивых дворян Игнатия и Ирины Ушаковых, и при святом крещении был наречен Иоанном. Возраставшего в родительском доме отрока от юности питывали благочестием, усердно научая его Закону Божию и добродетельной жизни. Когда Иоанну было шесть лет, у него умерла мать. Вскоре отец женился второй раз. Его новая супруга Параскева и воспитала отрока Иоанна в вере и благочестии.

Когда Иоанн достиг совершеннолетия, его родители, как люди состоятельные, определили юношу на воинскую службу в гвардейский Преображенский полк в Санкт-Петербурге, где за особое усердие Иоанна вскоре произвели в сержанты.

Живя в столице, в довольстве, среди веселых и беспечных товарищей, среди раздольного быта и увеселений, обычных тогда в столице и гвардии, молодой Иоанн Ушаков легко мог бы со временем потерять свои природные благочестивые наклонности, ибо, по слову Апостола, "худые сообщества развращают добрые нравы" (1 Кор. 15, 33). Но человеколюбивый Господь, не хотящий смерти грешника, но ожидающий обращения его и "еже живу быти ему" (Иез. 18, 23), не оставил юношу окончательно уклониться от благого пути правды Божией и погибнуть в развращении, но сподобил его прийти к покаянию следующим образом.

Во время обычного шумного собрания гвардейцев-товарищей Иоанна, в самый разгар веселья, один из юношей, бывший до того совершенно здоров и весел, внезапно упал замертво. Увидев умершего без покаяния товарища, Иоанн, словно очнувшись от обаяния мирских соблазнов, внезапно осознал всю непрочность того, что люди называют счастьем. Тотчас же решил юноша оставить все: воинский чин, друзей, родителей и всю красоту этого мира, и тайно бежать в пустыню, желая стяжать звание воина Царя Небесного, наследовать гражданство Небесного Иерусалима, "вчиниться в лице друзей Христовых", среди истинной красоты Царствия Божиего. Жаждающая сугубого подвига юная душа укрепилась тогда словами преподобного Иоанна Лествичника: "Изыдите от среды их, и отлучитесь, и нечистоте мира не прикасайтесь, глаголет Господь (2 Кор. 6, 17). Кто бо когда у них сотвори чудеса? Кто мертвых возстави? Кто изгна демонов? Никтоже. Вся бо сия иноков суть награждения, яже мир вместити не может. Аще же бы возмог, то к чему бы был иноческий подвиг и отшельничество?" (Лествица. Степень 2.)

Вняв, таким образом, всем существом своим гласу Божию, зовущему к каждому сердцу, но не в каждом находящему отклик, Иоанн, наскоро собравшись, спешно выехал из столицы с одним слугой, как бы в родительский дом, желая лишь Обитателей Отца Небесного. Отъехав несколько верст от города, юноша отпустил слугу обратно, а сам переоделся в нищенскую одежду и пошел на берега Двины в поморские леса.

После нескольких дней пути попустил Господь Иоанну испытание тщеславием, желая укрепить через это Своего раба.

На дороге вблизи Ярославля неожиданно встретился ему родной дядя, ехавший в богатой карете со слугами. Желая приветствовать родственника, Иоанн поклонился дяде, но тот, не узнав в оборванной одежде своего племянника, даже не обратил на него внимания. Сильное смущение возмутило душу молодого подвижника. Вспомнил он свою прежнюю безбедную жизнь, которую проводил в довольстве и покое. Враг же спасения нашего, ободренный мгновением смущения, тотчас представил воображению юноши ослепительные картины балов и торжественных выездов, множество слуг и легкую жизнь в роскоши и неге, все яркие соблазны столичной жизни и удалое веселие гвардейского полка. Но Иоанна, познавшего суетность земного счастья, уже не прельстили диавольские ухищрения. С молитвою, осенив себя крестным знаменем, юноша превозмог минутное сомнение и с новыми силами направился к поморским лесам, ставшим для него началом пути ко спасению.

Вскоре, неуклонно преодолевая борения и соблазны, Иоанн, едва переступивший порог двадцатилетия, достиг лесов на берегах Двины. Углубившись в лесные дебри, молодой подвижник нашел в чаще опустевшую келию и жил в ней один более трех лет, одному лишь Богу работая в сокрушении сердца, подвизаясь в посте, молитве и терпении скорбей. Пищу, самую скудную, и все немногое, необходимое для жизни, ему приносили боголюбивые жители окрестных селений.

Вскоре местное начальство усилило гонения на селившихся в северных лесах раскольников, а при случае теснило и уединившихся там православных пустынников, проживавших без документов. Начали притеснять и Иоанна, подозревая в нем раскольника; он же терпеливо сносил все оскорбления и даже побои.

Однажды, увидев святого, вынужденного прийти в ближайшее селение за самым необходимым, некоторые поселяне вновь стали несправедливо оскорблять Иоанна. Подвижник все сносил в молчании и смирении. Не вынося такого обличения своей злобе, нечестивцы настолько распалились ненавистью, что с побоями поволокли святого в ближайший город Архангельск для суда и

расправы. Скорбя о таком падении собратьев, преподобный умолял их отпустить его и обещал совершенно покинуть поморские леса, лишь бы не быть причиной соблазна и злобы. Но мучители преподобного лишь усерднее влекли Иоанна на расправу, словно прообразуя будущие его мучения за Правду Божию. Но вскоре сильная усталость овладела нечестивцами, и они, вняв, наконец, усердным молениям святого, как бы нехотя отпустили его. С таким большим трудом освободившись, Иоанн вынужден был спешно перейти из своей уединенной келии в Площанскую пустынь Орловской губернии.

Придя в Площанскую пустынь, Иоанн при встрече с настоятелем обители назвал себя церковнослужителем. Старец игумен долго не соглашался принимать пришедшего без вида (паспорта) юношу, остерегаясь раскольников или беглых преступников. Лишь уступая настойчивой и усиленной просьбе, настоятель поставил Иоанна читать в церкви богослужебное последование и из его чтения сразу понял, что перед ним не церковник, а какой-нибудь дворянский сын. Опасаясь, как бы из-за него не было в обители какой-либо неприятности, настоятель поселил Иоанна в одной из отдаленных келий в лесу, устроенных прежде жившими там подвижниками.

Но не долго пожил любитель безмолвия в пустыни. По прошествии немногого времени благоволил Господь явить Своего светильника миру. По Высочайшему повелению послана была сыскальная команда для выявления всех, укрывающихся в лесах от закона, и для разорения их тайных жилищ. Взят был и Иоанн как не имеющий вида. При допросе он откровенно сказал, что тайно ушел из службы в гвардии, а потому сразу был доставлен в Санкт-Петербург к Императрице Елисавете Петровне.

Случись такое событие на несколько лет раньше, в царствование суровой Анны Иоанновны, не сдобровать бы Ушакову. Но Елисавета Петровна была ласкова, набожна, чтит монахов и покровительствовала настоящим пустынножителям.

Приведенный во дворец, Иоанн, в ожидании приема у Государыни, был поставлен под царским крыльцом. А так как прежде ухода из мира он был известен многим как природный дворянин и немалый чин в Преображенском полку, то по Петербургу, а в особенности в гвардейских полках, быстро пронеслась весть, что сержант Ушаков сыскан. Многие, допущенные ко Двору, собрались посмотреть на молодого подвижника, смиренно стоящего у крыльца. За прошедшие шесть лет Иоанн сильно изменился, и трудно было в этом изможденном постом человеке узнать блестящего гвардейца, веселого товарища по столичным забавам и развлечениям. От великого воздержания Иоанн был сух и бледен лицом, одет лишь во скудную власяницу, подпоясан простым ремнем. Но особенно поражала всех лежащая на преподобном печать глубокого смирения и послушания воле Божией, словно пронизывающая

молодого подвижника. Видя это, многие умилялись и клали в своем сердце намерение оставить мир и следовать тесным путем, подобно Иоанну, в Царство Небесное.

После доклада Иоанна провели к Императрице. Увидев преподобного, она по-матерински милостиво спросила его: "Зачем ты ушел из моего полка?" - "Для удобства спасения души, Ваше Величество", - с кротостью отвечал Иоанн. "Не вменяю тебе побега в проступок и жалую тебя прежним чином, - сказала Государыня, испытывая твердость намерения Иоанна, - вступай в прежнее звание". На это святой ответил: "Ваше Величество. В начатой жизни для Бога и спасения моей души желаю пребыть до конца, а прежней жизни и чина не желаю". Снова спросила его Императрица: "Для чего же ты тогда не спросясь ушел из полка? К такому деланию и от нас ты мог быть отпущен". - "Если бы тогда просил я об этом Ваше Величество, то не поверили бы Вы мне, молодому и не испытанному всей трудности монашеского жития. Теперь же, после убогого моего искуса, утруждаю Ваше Величество просьбой - дайте мне умереть монахом". Видя такую решимость подвижника, Императрица спросила Иоанна, где бы желал он подвизаться.

"В Саровской пустыни, Ваше Величество". Государыня согласилась, но, испытывая смирение молодого подвижника, оставила его для принятия монашеского пострига в Александро-Невском монастыре Санкт-Петербурга.

Так, по воле Божией и согласно повелению Императрицы, после трехлетнего послушнического искуса в Александро-Невской обители, 13 августа 1748 года тридцатилетний Иоанн Ушаков был пострижен в монахи. Постриг, в присутствии Императрицы Елисаветы Петровны, совершил начальствовавший тогда в обители Высокопреосвященнейший Феодосий, нарекший нового монаха именем Феодор, тезоименно святому благоверному князю Феодору, Ярославскому чудотворцу (память 19 сентября).

С самого первого дня своего монашеского делания Феодор, внимая своему спасению, неистово подвизался в той обители, любя безмолвие, неустанно упражняясь в посте и молитве.

Когда же восхотел Господь испытать Своего раба и укрепить его твердость и терпение, то попустил ему плотскую брань, такую, что и сам Феодор удивлялся ей. Однако, возложив все упование на Бога и ожидая лишь от Него избавления, преподобный усилил прилежное моление и постился до изнеможения. Бог же, видя Своего раба в подвиге усердно подвизающегося, облегчил ему плотскую брань, посрамив завистника нашего спасения.

Но вскоре явилась, по зависти вражией, новая брань. Произошло это по следующей причине.

Видя и зная истинно подвижническую жизнь преподобного Феодора, Государыня Императрица Елисавета Петровна была к нему по-матерински милостива и внимательна. Бывая в обители, она всякий раз спрашивала, не обижают ли его кто. А Наследник, впоследствии Император, Петр Феодорович и вовсе любил при случае повторить, что "в Александро-Невском монастыре только один монах - Ушаков", уважая его подлинное благочестие, постный, в отличие от прочих монахов, вид и добродетели. Жители же Петербурга, всякого чина и звания, вспоминая веселую жизнь сего отца в бытность его гвардейцем, удивлялись, видя настоящее его строгое монашеское житие и почет от Царственных Особ, и склоняли свои души к покаянию.

Вскоре петербургские жители, хотящие жить в мире богоугодно, начали приходить к нему, умоляя дать наставление: как им, с детьми в мире живущим, угодить Богу. Преподобный Феодор со смирением отказывался от этого, указывая приходящим на многих ученых монахов, живущих в обители, могущих научить праведной жизни. Однако посетители искали не учености, а опытности духовной. Постническая жизнь самого Феодора, усердно следовавшего путем Христовых заповедей, побуждала людей вновь просить молодого подвижника разрешить их духовные нужды и недоумения. В числе обращающихся к нему были и гвардейцы, прежние его сослуживцы.

Видя неотступность приходящих к нему и крайнюю необходимость помочь людям, преподобный Феодор сокрушал себя прилежной молитвой, прося у Бога просветить его разум к пониманию Писания, если Его святой воле угодно, чтобы люди назидались через его недостойнство. И не оставил Господь Своего угодника, сподобив его дара разума Писания и умения ясно разрешать все духовные нужды в людях. Чтение же творений святителя Иоанна Златоустого наполнило его душу от чистого источника духовной мудрости и поучениям старца Феодора дало изящность и ясность. Поэтому и обратился к святому скорбящий народ за советом и утешением.

Но жившие в обители ученые монахи из зависти, а затем и ненависти, начали жаловаться Высокопреосвященнейшему, что простой-де монах привлекает к себе народ, беспокоит обитель и производит соблазн. Владыка, ежедневно слыша доносы, приказал казначею не пускать в обитель людей, идущих к преподобному за советами и утешением, чем вверг чад старца Феодора в великую скорбь и уныние.

Преподобный Феодор, сидя в безмолвии в своей келии, слыша и видя совершающееся несправедное повеление, раздражился духом, как и о великом

Златоусте говорится, пошел в келию казначея той обители и, при обычной скромности своей, сказал ему: "Прошу Ваше Преподобие объяснить мне, почему запрещен вход в монастырь для желающих приходить ко мне и кто это запретил?" Казначей отвечал старцу: "Не годится тебе в дела учительства входить и через хождение к тебе толпы народа братию соблазнять. Уже и Высокопреосвященнейший видя такую непристойность, приказал все это запретить". На это блаженный ответил ему: "Если в моем учении есть что-то незаконное, то пусть архиерей обличит меня. А без причины наводить такую скорбь людям, желающим видеть мое убожество, не архипастырское дело. Судит ему за это Господь Бог". Тут же об этом ответе стало известно Высокопреосвященнейшему, который, тщательно исследовав учение старца, не нашел ничего запрещенного и вынужден был вновь допустить к преподобному народ, но с того времени стал гневаться на Феодора и измышлять на него козни с прочими клеветниками и завистниками. Так досаждали они святому, что и день и, особенно, ночь был старец Феодор в опасности. Но помня, что и влас главы нашей без воли Божией не погибнет (ср.: Мф. 10, 30), преподобный не оставлял своего учительства и поучал всех, приходящих к нему в различных духовных недугах - наставлениями врачуя и утешая. Крепко держал в памяти преподобный слово Сирахово: "Не удерживай слова, когда оно может помочь" (Сир. 4, 27). И в творениях Златоуста тоже: "Случается часто, что приятное [полезное] слово больше довольствует неимущего, чем подаяние... добрым советом может быть большее приобретение, ибо не голод насыщается, но спасается от лютой смерти" (25 беседа на Деяния; 41 беседа на Бытие).

Так блаженный Феодор не оставлял своего доброго подвига и усердно помогал всем, приходящим к нему в душевных скорбях. Отводил от отчаяния страждущих недоумениями и наставлял на путь истинный; печали от диавола, наносимые на душу, отсекал от сердец мечом здравого своего рассуждения и приводил их в совершенный порядок христианского любомудрия. И от этого многие так возлюбили его, что всю свою жизнь на него возложили, и что бы он им не сказал, все с радостью и великим усердием спешили исполнить за любовь к Богу. Все ученики его казались между собою как единоплеменные братья через причастие небесной любви. Не было в них ни зависти, ни ревности, но удивительное кроткое согласие и единение. Им дано было от отца Феодора наставление, как оберегаться греховных страстей и сладостей, воющих на душу (1 Пет. 2, 11), потому что тот, кто друг мирским страстям, тот враг Богу и Кресту Христову. Учил преподобный, как жить в мире, терпеть скорби ради Бога с радостью и благодарением; учил, какое носить платье и как в пище и питии быть умеренными; как быть не строптивыми и развращенными, но жить по святым правилам. В праздничные дни для душевительного собеседования и чтения святоотеческих творений сходиться к одному из более сведущих и образованных учеников его, а для решения недоумений приходить в обитель к старцу Феодору. Дано им было и молитвенное правило.

Но ненавидящий добро диавол не переставал многими кознями, действуя через развращенных людей, досаждал старцу и его ученикам. Ученые монахи поносили их, называя святошами и даже раскольниками. Чада же старца многие годы все терпели со смирением, принимая поношения с радостью. Росла зависть и к самому отцу Феодору за собранное им духовное братство. Особенно возросла ненависть к преподобному после того, как поставленный у мощей св. блгв. князя Александра Невского, приносил он денег много больше, чем бывшие до него на этой должности завистники. Настолько возросла злоба вражия, что уже и к смерти готовился святой Феодор, но не желая мстить, все терпел великодушно, молясь за своих обидчиков, хотя и имел возможность доложить Императрице о творящихся беззакониях. Как ни желали завистники сослать преподобного в дальние монастыри, но не могли сделать этого без воли Государыни и только злобствовали на блаженного и причиняли ему досаждения и неудобства.

Потерпев таким образом девять лет и видя себя источником гнева, сильной злобы и соблазна, преподобный Феодор решился уехать из обители по слову Христову: "Когда же будут гнать вас в одном городе, бегите в другой" (Мф. 10, 23). Святой Феодор просил начальство монастыря отпустить его в Саровскую пустынь, куда и прежде хотел поступить. Вскоре желание старца, не без содействия возликовавших врагов святого, было исполнено. Получив желаемое увольнение, преподобный исходатайствовал у Св. Синода отпускные грамоты для своих духовных чад, желавших следовать за старцем в Саров, и в 1757 году выехал из Санкт-Петербурга с радостью, после долгой борьбы и томления духа. С ним выехали и привязанные к нему духовной любовью ученики и ученицы, оставившие блага града земного ради Града Небесного. Прибыв в город Арзамас и не доезжая шестидесяти верст до Сарова, старец поместил немногих своих учениц в девичьем Никольском монастыре, а сам с учениками поселился в Саровской пустыни. Вскоре умножившиеся ученицы преподобного переведены были в Алексеевскую общину, где жили в строгом следовании уставу, данному старцем.

Прожив в Саровской пустыни два года, отец Феодор, видя растущее число своих учеников, счел неудобным руководить ими, так как и сам был лишь послушник саровский. Наученный горьким опытом благоразумной осторожности, старец просил отцов саровских дать ему обедневшую Санаксарскую обитель, находящуюся в трех верстах от уездного города Темникова, на левом берегу реки Мокши.

Получив согласие и благословение от своего старца, строителя Саровского, благосердного отца Ефрема, преподобный в 1759 году переселился в Санаксарскую пустынь со всеми учениками своими, положив начало доброму подвигу о Господе.

К приезду отца Феодора единственная церковь обители была ветха и бедна, деревянные келии и ограда почти развалились, кровли сгнили. Оставаясь пока официально в зависимости от Сарова, преподобный как командированный строитель начал возобновлять кровли тесом, а некоторые келии и ограды построил заново деревянные. В строительстве отцу Феодору помогали своими средствами благотворители, знавшие и почитавшие его за добродетельную жизнь в Александро-Невском монастыре Петербурга. Много старания пришлось приложить старцу, чтобы возвратить и укрепить вновь за обителью некогда принадлежавшие ей лесные угодья, сенные покосы и рыбные ловли.

В то время епархиальным архиереем был Преосвященный Пахомий, епископ Тамбовский. Зная отца Феодора и радуясь возрождению Санаксарской обители, Владыка призвал к себе преподобного и умолял его быть в Санаксаре настоятелем, приняв священство. Старец, по смирению, усердно отказывался от хиротонии, но, убежденный, 13 декабря 1762 года был рукоположен в иеромонаха.

Глубоко проникнутый сознанием высоты и святости принятого им сана, святой Феодор, по возвращении своем в пустынь, начал служить Господу со страхом и чистой совестью. С невыразимым благоговением совершал он Богослужение в церкви. Во время совершения Божественной литургии старец сиял необычайной красотой и весь тот день находился в особой радости, ярким румянцем выражавшейся на его лице, так что исполнялось на нем слово пророка: "сердцу веселящемуся, лице цветет" (Притч. 15, 13).

Настоятелем преподобный Феодор был твердым и строгим. По словам монастырской летописи, он "наблюдая сей высокосвященный сан священства, правлением пустыни и всея в ней находящаяся братии достойно соответствовал должности начальника: наставлял истинной вере и благочестию всех приходящих к нему, желающих препровождать жизнь богоугодную; ибо как он чрез многия лета монашествовал добропорядочно и в благочестии, то отменными был украшен дарованиями: нарочитое имел в наставлениях искусство, в рассуждениях был остр и пространен, и прочия, касательно благоустройства жизни человеческой, имел превосходныя качества; отнюдь не склонял желание свое к стяжанию славы и богатства мира сего, но любил паче уединение и поучение словес божественных, жизнь свою посвящал трудам и попечению о спасении душ человеческих".

В церкви отец Феодор требовал отдельного неспешного чтения - так, чтобы и простым людям было понятно. В общем на богослужения посвящалось в пустыни в сутки часов девять, а в воскресные и полиелейные дни - десять и более того; при всенощном же бдении до двенадцати. Но при внятном чтении молящиеся чувствовали в себе особую силу и усердие и не скучали от долготы

службы. О необходимости хорошего чтения настоятель говорил так: "Если, по слову апостола, в воинских полках труба будет издавать неопределенный звук, кто станет готовиться к сражению? (ср.: 1 Кор. 14, 8) Так и мы скоротением будем только воздух церковный наполнять, а силы внутреннего смысла читаемого не поймем. Души наши останутся голодными духовно, без назидания. Не чтение слова Божия, а внутренняя сила и дух оного, понимаемые нами, служат нам ко спасению".

Вот слова, которые и теперь, по мудрости и выразительности своей, заслуживают самого широкого распространения!

Один из опытных подвижников Киево-Печерской Лавры, старец Парфений писал: "Ни один инок не возвращается в келию свою таким, каким вышел из нее", так как внешний мир рассеивает внутреннюю сосредоточенность. Так вот, в предохранение иноков от этого рассеивания, в ограждение молитвой от могущих их встретить за стенами келий искушений, отец Феодор предписал им, перед выходом из кельи в церковь и обратно, молитвы: "Боже, милостив буди мне грешному! Боже, очисти грехи моя и помилуй мя! Без числа согреших, Господи, прости мя! Кресту Твоему поклоняемся, Владыко, и святое воскресение Твое славим!" и "Достойно есть..." до конца.

В церкви братия должна была стоять не только безмолвно, но и не глядя на других. Поклоны полагались не кто как вздумает, а сообразно тому, как клал поклоны читающий и клиросные.

Старец завел в обители самую первую и прочную основу иночества: личное руководство братии и полное откровение помыслов. Если кого тревожили помыслы - днем ли или ночью, - всякий мог немедленно идти к настоятелю. Отец Феодор отечески выслушивал инока и, успокаивая его, говорил с ним хоть час или два, и отпускал от себя лишь когда помысел, искушение это, утихали. Братия признавалась, что при выходе от старца чувствовалась на душе какая-то свобода и тишина.

Есть позволялось только за трапезой, в келии можно было брать лишь квас. Пища была самая грубая. Пирогов и белого хлеба не пекли и в Светлую седмицу - разве кто присылал готовыми. Огня никому не позволялось иметь по келиям, кроме иноков, занятых ремеслами для монастыря; его давали только для топки печей. На монастырские послушания - покос, рыбную ловлю - выходили все, во главе с настоятелем.

Часто, кроме бесед наедине, по отдельности, отец Феодор поучал братию и в трапезе. Много объяснял он необходимость иметь духовного руководителя. "Святой Иоанн Лествичник, - говорил старец, - поучает, что весь подвиг

монашеского жития состоит в отсечении воли. А без этого всякий, живущий в монастыре, не монах, а мирянин. Как невозможно плавать кораблю без кормчего и обучающемуся какому-либо художеству обойтись без мастера и учителя, так тем более невозможно вступающему в монашество без опытного наставника спасти душу".

Никому из братьев старец не давал предпочтения перед другими: был ли кто его постриженник или пришлый - все встречали в нем одинаковую к себе заботу.

Избегая поводов тщеславия, он не постился более, чем было установлено, и, присутствуя всегда при братской трапезе, питался наравне со всеми, только беря всего понемногу.

Очень мудрый ответ дал старец на следующий вопрос одного помещика: "Если человеку, живущему в мире, не должно стремиться к наслаждению благами этого века, то для чего сотворено Богом на земле столько приятных вещей? Как даны две противоположные заповеди - о пользовании благами мира и о посте и воздержании?" Отец Феодор ответил: "Как судить нам о тайнах Божиих! Наше дело - безпрекословно повиноваться истине. Вспомним, что и в раю дана была заповедь воздержания от плодов древа познания добра и зла. Видно из этого, что пост сроден естеству человека. Но если бы по этой нужде поста Бог не благоволил сотворить в таком обилии благ земных, тогда пост у всех был бы невольный. Нужно думать, что обилие благ на земле не для наслаждения, а для совершенства поста. Не невольного поста ждет от нас Бог, а восхотел, чтобы мы, при всем изобилии, не воздерживались лишь, а постились по собственной воле из любви к Нему, как заповедано это святой Церкви. За послушание этой заповеди обещал нам Бог в награду здоровье телесное и спасение душевное; за преслушание же смерть. Если бы притом не было дано земле обилия, то какое могло бы быть утешение для немощных, больных по плоти, престарелых и младенцев? Ради их-то и не заключил Бог всех нас в нужде, а благоволил, чтобы избыток благ служил им в утешение".

К народу преподобный был милостив. Как-то ему доложили, что рабочие, производившие в монастыре постройки, взяли лишние деньги, и едва ли можно надеяться, что они вернут их. Старец на это ответил: "Они народ бедный. Пусть этот излишек будет им вместо милостыни".

К такому настоятелю и мудрому учителю естественно стремились жаждущие спасения и доброй подвижнической жизни. Вскоре собралось в Санаксарской обители до двадцати человек братии. Но так как они еще не были пострижены в монашество, а сделать это тогда можно было только с разрешения императрицы и Синода, то отец Феодор начал ходатайствовать об этом через графа А. Г. Орлова, знавшего преподобного лично. В благоприятный момент

доложено было о сем самой Императрице Екатерине II Алексеевне, и она благоволила разрешить постричь в монашество одиннадцать верных учеников старца Феодора из отставных гвардейских служащих, что и было подтверждено Именным указом от 23 апреля 1763 года. Потом было разрешено постригать и всех братьев, желавших жить под руководством отца Феодора.

В следующем году, когда по случаю учреждения монастырских штатов, Санаксарская обитель подлежала упразднению, ходатайством отца Феодора она была оставлена в числе действующих; 10 августа 1764 года преподобный стал ее начальником, а 7 марта 1765 года Высочайшим указом велено было Санаксару именоваться монастырем.

По причине умножения братии отец Феодор положил намерение вместо деревянной, уже обветшавшей церкви, построить каменную двухэтажную, с верхним летним храмом в честь иконы Божией Матери Владимирская и нижним, теплым, во имя Усекновения главы св. Иоанна Предтечи. На построение нового храма, по ходатайству придворных лиц, особенно графа Алексея Григорьевича Орлова, покровительствовавшего старцу, по Именному повелению Государыни было выдано из Ее кабинетных денег 1000 рублей на поправление обители и дана благословенная грамота от Преосвященнейшего Павла, епископа Владимирского и Муромского от 15 сентября 1765 года.

Заготовив необходимые материалы и получив от благотворителей и почитателей своих из Петербурга денежные пожертвования, отец Феодор, по утвержденному архитектором плану, приступил к постройке нового храма. Под личным его наблюдением строительство храма производилось с 1765 по 1774 год. Когда были вырыты рвы в основании церкви, во время молебна прилетел рой пчел и сел на горнем месте будущего алтаря, прообразуя обильную благодать в обители и множество монахов в ней. Преподобный Феодор велел одному брату, отцу Герасиму, огрести пчел в улей, и с тех пор появились в обители свои пчелы. Окончательно построенный пятиглавый храм имел четырнадцать сажень в длину, восемь в ширину и двадцать четыре в высоту.

Ценные указания о внутреннем строе первоначальной жизни в Санаксарской обители сохранились в записках известного архимандрита Новоезерского Феофана, бывшего учеником отца Феодора, а затем келейником митрополита Петербургского Гавриила.

Он пошел в монастырь в восемнадцать лет, под впечатлением моровой язвы. "Мы искали, - пишет он, - где бы жестокая жизнь была, подольше службу выбирали. В Саровской пустыни - нет, еще слабо! Пошли к отцу Феодору в Санаксар. Обитель забором огорожена, церковь маленькая, волоковые окошки, внутри и стены не отесаны, и свеч-то не было: с лучиной читали в церкви. И

платье-то какое носили: балахоны! Один смурый кафтан был для одного, который для покупок выезжал... Начало-то обители было в недостатках, трудно. Ноги обертывали онучами из самой грубой пеньки, а босиком не ходили. Я с отцом Макарием в одной келье жил. Ему больше всех искушения было от отца Феодора. Тем, которые любили разбирать платье, он давал балахоны худо сшитые, с долгой спиной и с заплатами. Один из таких балахонов отец Феодор и дает отцу Макарию. Тот смущается, придет к отцу Феодору, показывает, как на нем сидит балахон, какая спина. Отец Феодор начнет увещевать: "Зачем пришел в монастырь? Да есть ли разум? Что вы, чем занимаетесь? Лишаетесь милости Божией! Что вы, занимаетесь чем? -- тряпками! А надобно заниматься, душу-то свою очистить, чтобы ни к чему временному не пристраститься". А после и привыкли. А чтобы при себе что-нибудь свое иметь - этого уж не было! Огня в келии никогда не бывало. А послушание было такое, что я сам и полы мыл, и щепки собирал, и пищу варил. Сами караулили по ночам. Походим, да поклонов несколько земных и положим, помолимся.

А отец-то Игнатий раза два к Преосвященнейшему при мне уже бегал. И когда был поставлен иеродиаконом, то с вечера примочил волосы, заплел да после и расчесал, надел парчовый стихарь, а сам в лаптях! Как стал на амвон, отец Феодор его подозвал: "Ты, - говорит, - павлин, хвост-то распустил, посмотри на ноги-то; поди, сними-ка стихарь-то!" Тот оскорбился и убежал ночью к Преосвященнейшему Иерониму жаловаться, что-де пристыдил, посрамил меня; а Владыка и прислал его к отцу Феодору, чтобы на поклоны поставил.

Отец Феодор никого из братии не удерживал силою и говорил: "У меня ворота отворены для всех, кто хочет выходить", а уж слова "не хочу" не терпел и слышать не мог. Однажды отец Феодор по окончании трапезы остановил всю братию и сказал: "Ну, отбирайтесь: кто хочет в пустыню - на одну сторону, кто со мной - на другую!" Поотобрались. Кто пожелал в пустыню - со всеми последовал худой конец, потому что оставили послушание, а все были такие молитвенники, постники".

Из числа учеников старца впоследствии вышло несколько настоятелей, вдохнувших новую иноческую жизнь в упадавшие монастыри. Отец Игнатий, настоятель Островской Введенской (близ города Покрова Владимирского) пустыни, затем Пешношского монастыря, Тихвинского и восстановитель Московской древней упраздненной Симоновой обители. Отец Макарий был преемником отца Игнатия в Пешношском монастыре. Очень большую заслугу в деле оживления русского иночества истинно монашеским духом оказал отец Феофан Новоезерский. Через него митрополит Гавриил познакомился с искушенными в духовной жизни иноками, которых и назначал в настоятели великорусских монастырей, дотоле управлявшихся очень неудачно, в смысле

нравственного руководства братией, учеными малороссиянами из Киевской Академии.

Крепкий духом, отец Феодор не хотел знать уступок нововведениям и обычаям, которые он считал несогласными с иночеством. Однажды в Москве, когда старец обедал у одного господина с настоятелями московских монастырей, зашла речь о монашеской одежде, и настоятели, объясняя отцу Феодору, что по городским обычаям им невозможно носить простые и дешевые материи, спросили о том его мнение. "Могли бы вы, отцы, - отвечал им пустынножитель, - иметь себе оправдание, если бы при пострижении, перед святым Евангелием, давали обеты о претерпении нищеты по другим каким правилам. Но как чин пострижения один и обеты одни, то немного тут требуется толкования. По страстям же толковать и послаблять себе - это в свое время послужит к осуждению таковым себе потакателям. Не прилично духовным людям иметь богатое платье, келейных служителей светских с пуклями, также богатые кареты, как знак любви к пышности. Монах не светский господин, а человек, умерший миру, хотя и настоятель". Вспомним, что так говорил человек, привыкший в юности ко всяким удобствам, видевший близко блеск Двора. При этих условиях слова отца Феодора становятся еще ценнее.

И ученики преподобного удивляли городских иноков своею иноческою последовательностью и осмотрительностью. Сопровождавший отца Феодора в Москву ученик его был послан по делу на Дмитровку и зашел по дороге к обедне в Георгиевский монастырь, бывший раньше на этой улице. По окончании обедни, игуменья пригласила его к себе пить чай. Послушник ответил: "Так как отец Феодор в Москве, то я не смею идти к вам без его благословения", - и ушел. Едва в его присутствии игуменья не воскликнула: "Вот - это послушание!" По уходе же послушника сказала сестрам: "Слышите, сестры: вот как живут настоящие монахи".

Смущались некоторые, что преподобный управлял двумя монастырями: своим и женским Алексеевским (община в Арзамасе), который он основал. Ходили к знаменитому схимнику Досифею в Киев с этими недоумениями, на что старец Досифей спросил: "Вы слабости в нем какие-нибудь заметили?" - "Нет, он строгой жизни". "Недостатки что ли какие есть?" - "Никаких нет". "За кого вы его почитаете?" - "За святого". "Грамоту он знает?" - "Ученый". "Что вы сомневаетесь! Умная голова не только два стада, но и десять может пасти!" Так и успокоились.

Много добродетелей было у преподобного, много благ сделал он людям. Недоставало одного, чтобы увенчать достойную жизнь его, - невинного страдания, и Господь дал ему возможность перенести такое испытание.

Темниковский воевода Неелов пожелал иметь старца Феодора своим духовным отцом. Старец предупредил его, что будет требовать повиновения во всем, что касается духовной пользы человека. При этом святой указал воеводе на заповедь апостола Павла относительно духовного учительства: "Проповедуй слово, настой благовременно и безвременно, обличи, запрети, умоли со всяким долготерпением и учением" (2 Тим. 4, 2). Воевода обещал старцу полное послушание и в течение трех лет действительно исполнял свое обещание, но потом стал нарушать посты, делать притеснения городским жителям и при каждом удобном случае брать с них поборы. Летом запечатывал печи в домах, беря за разрешение пользоваться ими по рублю; несправедливо решал дела, обвиняя невинных, а виновных за взятки оправдывая. Все строгие увещания и обличения отца Феодора были тщетны. Наконец, тронутый крестьянским бедствием, старец поехал в Темников - 24 октября 1773 года.

Узнав о прибытии преподобного, воевода, давно решивший избавиться от старца, позвал его в канцелярию, сел за стол перед зеркалом и начальническим тоном спросил отца Феодора, что ему нужно. По праву духовного отца старец безбоязненно высказал ему все, что считал нужным, и убеждал прекратить утеснения бедным. Изобличенная злоба, вместо обращения к раскаянию и любви, обратила всю свою ненависть на обличителя. Призвав из соседней комнаты специально позванных и наученных свидетелей-чиновников, Неелов велел записать в протокол, что настоятель Санаксарской пустыни назвал его, воеводу, при зеркале грабителем и разорителем, и представил обвинительный протокол губернатору в Воронеж. Тотчас донесено было обо всем Синоду и Императрице, которая повелела расследовать это дело.

Вскоре воронежский губернатор вызвал к себе старца для расследования. Выехав в сопровождении своего ученика Феодора Соколова (впоследствии архимандрит Феофан), отец Феодор написал и подал оправдательный ответ и немедленно был отпущен обратно.

Путешествие отца Феодора - исповедника Правды Божией - было поучительно для многих его учеников и сопровождалось двумя особенными встречами. На пути к Воронежу, не доезжая тридцати верст до Тамбова, в селе Большая Талинка проживал благочестивый диакон Михаил Никифоров, духовный сын старца Феодора. Искренне преданный духовному отцу, он строго исполнял все наставления своего старца. Отец диакон оба раза встречал своего наставника с великим благоговением и представлял ему прихожан, живущих по уставу преподобного. Ученики диакона, видя старца и слыша его наставления, от умиления плакали, а когда преподобный уезжал от них, со слезами приносили все, что могли на дорогу, от усердия своего, и клали у ног отца Феодора. Эти простые рабы Божии между собою жили во взаимной любви о Господе, соединенные крепче родных, бедным и неимущим помогали, снабжая их всем

необходимым. От этого все в домашнем содержании жили в довольстве. Пьянства и разных безчинств в их селе не было - ни игрищ, ни гор, ни качелей. Церковь Божия всегда была наполнена народом, приносившим Господу Богу непрестанные моления от чистого сердца. Естественно, что такое христианское житие раздражало невежественных завистников. Учеников отца Михаила называли раскольниками, вводящими какое-то новое учение. Тамбовский наместник даже отобрал у отца Михаила все его книги и отправил Преосвященнейшему епископу Тамбовскому Феодосию. Рассмотрев все книги диакона и расспросив его самого, Владыка сказал, что "если бы в моей епархии все были такие священнослужители, как отец Михаил, то я спасся бы их молитвами".

Из Воронежа отец Феодор нарочно заехал в Задонский монастырь, чтобы принять благословение и посетить пребывающего там на покое святителя Тихона (+ 1783), известного светильника веры, благочестия и добрых дел. Святой Тихон принял старца с великой любовью. Жившие при нем келейники говорили, что никому другому он не был так рад, как батюшке отцу Феодору. Три дня продолжалась между ними духовная беседа. При отъезде преподобного святитель проводил благочестивого старца через весь монастырь до святых ворот и при прощании кланялся ему низко. Так родственны между собою все святые души!

По возвращении в Санаксар через несколько недель вышло повеление Императрицы: "Оного Феодора, лиша настоятельского и иеромонашеского звания, отослать яко человека безпокойного простым монахом в Соловецкий монастырь, препоручив начальнику оного монастыря неослабное за ним смотрение". В виде снисхождения к виновному приказано было отпустить с ним в сундуках все его имение, сделав предварительно его опись. Для составления описи прибыл игумен Арзамасского Спасского монастыря Иоасаф. Но имения у проводившего нестяжательную жизнь старца никакого не нашлось. Отец Феодор показал отцу Иоасафу шерстяной войлок, жесткую подушку, овчинную шубу, мантию, рясу и сказал: "Описывайте". В этом состояло все его земное богатство.

С этим имуществом, в сопровождении двух солдат, старец Феодор - ревнитель правды Божией - и был отправлен в Соловецкий монастырь, не оправдываясь, но смиренно покорившись воле Божией и Государевой. Прощаясь с братией, напутствуемый слезами и молитвами Санаксарских своих учеников и Арзамасских учениц, старец сказал: "Кто желает жить в этой обители, пусть остается в ней; кто же не желает - пусть выходит с благословением, кто куда хочет".

Суд Божий не замедлил свершиться над воеводой Нееловым, главным виновником ссылки святого страдальца.

Неделя прошла только по отправлении отца Феодора, как в город Темников явилась шайка разбойника Пугачева и разграбила город. Трусливо сбежав и оставив вверенный ему город на разорение, Неелов, за эти и многие прочие свои безчинства, был подвергнут суду и штрафу и вскоре умер в городе Шацке, публично покаявшись в содеянном против старца злодеянии. Санаксар же, милостью Божией, за молитвы святого Феодора, остался цел и неразграблен: шайка Пугачева даже не зашла в монастырь.

Девять лет прожил святой страдалец в Соловецком монастыре. Из Санаксарской пустыни ежегодно, по усердию к блаженному отцу и учителю, ездили по два брата навещать отца Феодора и помогать в его нуждах. Старец, находясь в самом строгом заточении, нуждался во всем необходимом. Изнемогал преподобный от холодного воздуха Соловков, страдал от угара в каменных кельях, топившихся два раза в неделю и рано закрывавшихся, так что угорал отец Феодор до потери сознания. Часто замертво вытаскивали послушники преподобного и оттирали снегом. Ученики и послушники допускались к старцу по одному и помещались в отдаленной кельи, так что старец все время подвергался опасности умереть внезапно. Но преподобный Феодор, как истинный угодник Божий, претерпевал все многолетние страдания без ропота, молясь за обидчиков, в смирении и полном послушании воле Божией.

Наконец Господь восхотел возратить невинного страдальца в Санаксарскую его обитель к ученикам, где он столь спасительно и благотворно потрудились. Один из учеников старца, монах Феофан (уже упоминавшийся нами, впоследствии архимандрит, возобновитель Кирилло-Новоезерского монастыря), будучи судьбами Божиими взят в келейные служители к митрополиту Петербургскому Гавриилу, понуждаемый совестью и любовью к старцу, постарался о возвращении отца своего. Он доложил митрополиту, что старец Феодор совершенно напрасно и долго страдает и просил оказать милость возратить преподобного в Санаксар. Высокопреосвященнейший Гавриил, истинный подвижник Божий и покровитель всех, добре о Господе подвигающихся, потребовал записку с объяснением всего дела. Так как отец Феофан сам ездил со старцем в Воронеж на суд губернатора и писал от имени старца ответ по его обвинению, то, зная хорошо все дело, без затруднения составил подробную записку.

По этой записке митрополит, в Великий Четверток 1783 года, совершая чин умовения ног в дворцовой церкви, после службы объяснил Государыне Императрице Екатерине Алексеевне дело отца Феодора и уверил Ее, что старец

страдает напрасно. Дело о нем решено в превратном виде, совсем противно его благочестивому, ревностному по Боге духу. Между тем невинный страдалец, находясь уже девятый год в Соловецком заточении, от холодного климата и разных лишений совершенно изнемог. Государыня при этом спросила: "Сколько лет от роду старцу?" Митрополит ответил, что лет семьдесят, на что Императрица возразила: "Столько лет ему, кажется, не будет. Я его знаю".

На другой день - 18 апреля - было прислано митрополиту Именное повеление о возвращении монаха Феодора из Соловецкого монастыря. Это повеление Владыка тогда же отвез в Св. Синод, вследствие чего и велено было возвратить старца в Санаксарскую обитель в прежнем сане иеромонаха. Боголюбивый святитель Гавриил написал отцу Феодору письмо, прося, чтобы тот по пути из Соловков заехал к нему в Петербург для встречи. Но старец, по крайней своей немощи, смиренно отрекся от этого, а сразу направился через Вологду, Ярославль и Владимир и 9 октября 1783 года прибыл в Арзамас.

В этот день, во время утрени, встретили своего духовного отца два санаксарских иеромонаха и ученицы Алексеевской общины. Старец преподавал всем благословение и радовался с радующимися. Здесь он прожил целую седмицу, ежедневно посещая общество Алексеевское, как истинный пастырь и отец, поучая и утверждая души своих учениц, для которых и до самой своей кончины был наставником ко спасению.

Приезжали для свидания с отцом Феодором и настоятели окрестных Арзамасских монастырей, равно как и почетные господа и купечество, мужчины и женщины, многие из которых просили старца посетить их дома для благословения и духовного назидания. Отец Феодор исполнял их благочестивые желания и благословлял дома многих именитых и простых людей города.

По прошествии недели старец отправился в свою родную обитель. Версты за три до Санаксара выехал навстречу отцу Феодору казначей обители, а к перевозу на реке Мокша вышло все братство Санаксарское. Отсюда, приняв благословение старца, все вместе направились в обитель. Войдя в церковь и приложившись ко святым иконам, по обычном поклонении друг другу, радуясь духовно, отец Феодор благодарил братию за всю любовь их к нему в изгнании и выказанную теперь, а также и за прибавление благоустройства в обители. В то время уже были совершенно благоустроены и украшены обе церкви - соборная двухэтажная, с престолами во имя Рождества Богородицы и Усекновения главы св. Иоанна Предтечи, и больничная во имя Владимирской иконы Богоматери. Много было построено за эти девять лет и других зданий с колокольней.

Таким образом, несказанно утешившись возвращением в родную обитель и умиротворившись духом, старец и ученики вновь начали подвизаться в мире и радости духовной. Но не благоволил Бог, чтобы возлюбленные Его покоились, пока они в теле, но паче восхотел, чтобы они пребывали в скорби, унижении и оскорблениях. Ибо тем и отличаются сыны Божии от прочих, что живут в скорбях (Св. Исаак Сирий. Слово 36). Так и старец Феодор, как истинный раб Божий, недолго наслаждался миром и покоем.

29 октября 1783 года, буквально через несколько дней по прибытии отца Феодора в Санаксарский монастырь, против него перед всей братией воздвиг клевету иеродиакон Иларион, бывший одно время с отцом Феодором в Соловках. Иларион назвал старца "противником Церкви, еретиком и атеистом". Дело было отправлено в Синод и по тщательном рассмотрении разрешилось тем, что Иларион был признан клеветником и наказан со всей строгостью, причем просил прощения у отца Феодора перед всей братией.

Так как многие, приезжавшие в обитель, стали ходить для наставлений и бесед к отцу Феодору, равно как и из братии многие ходили к нему для откровения помыслов и решения недоумений совести, то настоятель иеромонах Венедикт, хотя и бывший ученик старца, по немощи человеческой считая себя как бы униженным, оскорбился тем, что помимо его все ходят к старцу, и стал, при поддержке некоторой части братии, жаловаться епархиальному начальству, будто отец Феодор смущает обитель. Ученики-де ходят к нему безвременно толпами, братия расстраивается его неблагоприятными советами, чуждаясь настоятеля. Велено было произвести расследование. Так как сношения отца Феодора с посетителями состояло в одних только духовных беседах и в этом нельзя было найти ничего предосудительного, то никого и не вызывали к допросам, а только называли старца и его учеников сообщниками (вероятно, опасаясь их как подкапывающихся под власть настоятеля в пользу старца Феодора).

Но главная причина недовольства со стороны настоятеля, иеромонаха Венедикта, на отца Феодора заключалась в том, что настоятель, по слабости своей, попустил прокрасться в свое общежитие окаянному пьянству, а ревностный и прямодушный старец обличал пьяную страсть, от которой, как от всеокаянной матери, рождаются все нестроения в иноческих общежитиях. Замечал также смиренномудрый старец Феодор кичливость, неприличную монашескому званию, вместо прежней простоты и воздержания в некоторых братиях и в самом настоятеле. Вследствие разбора дела, пристрастно поданного настоятелем, вход к отцу Феодору, даже с духовными нуждами, был воспрещен.

О притеснениях, делаемых отцу Феодору, доведено было до сведения Высокопреосвященнейшего митрополита Гавриила через его келейника отца

Феофана. Владыка - искренний почитатель преподобного, желая облегчить жизнь старца, послал ему письмо следующего содержания: "Честный отец Феодор, мне любезный во Христе брате! Прошу вспомоществовать вашими молитвами в жизни моей и в делах должностей моих. Я же к вам пребываю всегда благосклонным. Гавриил, митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский".

Узнав о таком милостивом внимании митрополита к старцу Феодору, настоятель предоставил ему некоторую свободу. Но, спустя некоторое время, опять стал посылать доносы на старца епархиальному Преосвященному. И опять святой стал жить взаперти: никому не дозволялось - ни из мирян, ни из братьев монастырских - ходить к старцу и говорить о духовных нуждах. Арзамасские Алексеевские ученицы получали от преподобного утешение в скорбях и разрешение недоумений совести только через письма.

По прошествии нескольких лет, делавший разные притеснения старцу Феодору настоятель отец Венедикт занемог. Отец Феодор пришел к нему и просил прощения; но настоятель, не сказав ни слова, отворотился к стене. Старец Феодор так от него и вышел. По выходе его настоятель начал озираться туда и сюда, и сказав: "Что это за народ набился в келью?.." - вскоре умер. После его кончины, последовавшей 27 декабря 1788 года, преподобный, получив свободу и разрешение на выезды, поехал в Арзамас к своим духовным детям, чтобы лично побеседовать с ними и разрешить их духовные нужды. Таких посещений старцем своей Арзамасской Алексеевской общины в оставшиеся два года его жизни было несколько.

В последний свой приезд, в феврале 1791 года, беседа по обычаю с детьми своими духовными, отец Феодор с особенным умилением и слезами пространно толковал им псалом "На реках Вавилонских", говоря: "Когда сыны Израиля, лишась Иерусалима, отечества своего, и не видя себе ниоткуда нимало отрады в земле чужой, как странники при реках Вавилонских сидели и плакали, то этим плачем они прообразовали состояние всех в бедах и скорбях живущих на земле. Должно и нам в мыслях содержать, что и мы в бедственной этой жизни, как странники, всегда нападены от врагов наших гонимые и томимые, тогда только отраду себе находим, внемла помянути нам горний Сион: помянух Бога и возвеселихся". Во время этой умиленной, как бы прощальной беседы все плакали - и настоятельница, и сестры.

Потом преподобный начал торопиться с возвращением в Санаксарскую обитель и, преподав всем благословение и прощение, выехал из Арзамаса. По пути заезжал святой Феодор в Саровскую пустынь, со всеми старцами любезно прощался и поспешил в Санаксар.

По приезде его, в среду на сырной седмице после полудня, собрались к старцу в келию ученики его, и он, со всеми немного побеседовав, отпустил их. Остались было у него для решения некоторых духовных недоумений два ученика из дворян, живших в монастыре, но он начал изменяться в лице и велел им уйти, сказав, что очень изнемог. Так издавна нередко страдал он от внутренней болезни, но теперь все предчувствовали, что это изнеможение было не обычное, и с горем в сердце оставили его одного.

Немного спустя после ухода братии, пришел келейный монах, служивший отцу Феодору, сотворил молитву до трех раз, но не слыша ответа, вошел без благословения. Отец Феодор умно молился, но лежа на одре своем. Это было столь непохоже на его всегдашний подвижнический образ молитвы, что келейник тотчас побежал и сказал о том братии, которые все сошлись к отходящему отцу своему. Старец уже ничего не говорил. Прошло в таком молчании около пяти часов; в десятом же часу пополудни, завершив пятидесятидвухлетний подвиг, душа преподобного старца Феодора мирно разлучилась с телом и отошла в вечные обители, к месту присного стремления сего блаженного отца. Тело его, хотя и лежавшее в теплой келии до погребения, не издавало запаха тления. Погребен честный старец у созданного им храма, на северной стороне его. На могиле преподобного была положена аспидного камня плита с надписью: "Здесь погребен 73-летний старец иеромонах Феодор, по фамилии Ушаков, возобновитель Санаксарского монастыря, который пострижен в Александро-Невской лавре, продолжал монашеское житие 45 лет; со всеми видами истинного христианина и доброго монаха 19 февраля 1791 года скончался".

В день погребения преподобного Феодора, 22 февраля 1791 года, духовный сын его, иерей Николай, произнес надгробную речь, сохранившуюся до нашего времени:

"Жизнь человеческая, пределом смерти пременив состояние существования, коим почти ежеминутно разрушается тесное духа с плотию соединение, нечаянно в безпредельную вечность преселяется. Боже наш! Ты предел положил еси, его же не преидет всяка плоть; но, алчною челюстию хищныя смерти пожираемая против воли и хотения человеческого, в первобытный прах превращается. Воззрите, печальное собрание! воззрите на предлежащее многотрудное тело незадолго пред сим в целом здравии находившегося благоговейнейшаго отца, добродетельнейшаго наставника святыя обители сия, честнейшаго иеромонаха Феодора! Сие его тело доказывает, что смертоносный ангел тогда к нам приходит, когда мы его не чаем и не ожидаем, а пришедши, поемлет действующее лице из видимаго мира и все действия человеческие пресекает. Сей добродетельный, незлобивый и чистосердечный муж ожидал ли того, чтобы смертоносная коса пресекла ход жизни его, когда он ревностно

подвизался духовных своих чад словесное о Христе Спасителе собранное стадо наставлять Богоугодному духовному жительству? О смерть! Коль горька твоя память! Ах, коль горестнейшая печаль стесняет теперь сердца духовных чад святых обители сия! Ибо скончал течение тот ревностнейший христианской веры подвижник, который при помощи благодати Божией взял на рамена свои иго Христово от самой зеленоцветущей юности. Скончал течение тот благочестия искреннейший любитель, который не восхотел пользоваться высокими различных почестей титлами, но отвержеся нарицаться сыном суетных мира сего славы, аки дочери фараоновы, от предприятия Богоугодного восхотел паче страдати с людьми Божиими, нежели имети временную греха сладость. Скончал течение тот усерднейший Христа Спасителя последователь, который по желанию своему вся во уметы вменив, последовал Ему всеусердно, нимало не утруждаясь за побег свой гнева царицы, которая по особеннейшему действию Духа Святаго не только после не воспрепятствовала его святому произволению, но и в действо производиму быть благоволила. Ах, Боже наш! Скончал течение тот мужественнейший христианского благочестия герой, который, удалившись от светских чертогов, водворился в различных пустынях, чая Бога спасающего его. Странствовал со Авраамом, искушения терпел со Иосифом. О ревность сердца верного удивительная! О бодрость духа христианского неутомимая! Кто из предстоящих здесь и питавшихся пищею духовных наставлений его не оросит теперь слезами гроба его? Аще бы и сии не огорчились, то самое камение сие то учинить не оставят. Аще и сии умолчат - самое камение сие возопиют с крайним сожалением и чрезвычайным огорчением. Самые стены святых обители сия - безчисленных дел и рук его свидетели. Ибо на что не обратим взор свой - все ему одолжено началом, все плоды его благоразумия и просвещения. Он в духовном собрании сем, на основании краеугольного камени Христа Спасителя, назидал злато несомненныя веры, утверждал серебро истиннаго благочестия, полагал в сердце и своем и других всегдашнее преспеяние святых добродетелей. О горестнейшее сердца стеснение! Замолкли те приятные уста, которые сообщали Божественные наставления и обличали всякую неправду; те руки, которые упражнялись в трудах полезных для многих, положены неподвижны одна на другую на персех; прильпе гортани язык его, вещавый даже до последнего издыхания мир Христов духовному стаду сему. Но, ах! что за глас во уши мои ударяет! Слышу от гроба исходящие слова: "Не плачите о мне, но о себе плачите, любезные мои духовные дети! В сей жизни временной соединены мы были любовью Христовою во един дух, не разлучаюсь я с вами и по смерти моей, любовь моя к вам и во гробе моем со мною. Не плачите о мне, но помяните мя и молитесь о мне Христа Бога, а я, представши Судии Безсмертному, не забуду в молитвах моих о вас, да облегчит печаль вашу и возвеселит вас веселием неизглаголанном. Духовные мои дети! возлюбленное о Христе стадо! Се последний завет мой завещаю вам: подвизайтесь, при помощи благодати Божией, тесным и прискорбным путем внити в живот вечный, а от мирских

сладострастий оберегайтесь, ибо широкий и пространный путь есть вводяй в пагубу". Возьмем же сие в рассуждение и внемлем гласу сему! Оставим печаль о усопшем, помолимся вси купно о нем, да вселит его Господь идеже есть свет жизни вечной, а нам да послет благодать Всесвятаго Духа, наставляющую нас на всякое дело благое. Аминь".

По преставлении, через три месяца, явился преподобный Феодор во сне ученику своему, Тихвинской обители архимандриту Игнатию. О чем сей так писал в уведомление к Алексеевским сестрам в Арзамасс: "Я находился в болезни весьма тяжкой и уже безнадежен был в жизни. В сем состоянии, по власти Господней, видел батюшку отца Феодора в сонном видении, в славе великой. Он показывал мне свою обитель и многие пречудные келии; каждая келия более вашего Алексеевского монастыря. В них видел я многих Санаксарских монахов и послушников, монахинь и послушниц ваших, которых я знал, отшедших из сей жизни во всяком покое, - видел и многие другие лица. А о прочих батюшка мне говорил: а вот сии Петербургские, ты их не знал, и потом присовокупил: время тебе в обитель, пойдя. Так я и проснулся".

/По материалам сайта Рождество-Богородичного Санаксарского мужского монастыря/